

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОСТЬ ДИСКУРСА И ОСНОВАНИЯ СИСТЕМАТИЧЕСКОГО УМОЗРЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ И ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ТРАДИЦИИ

Сформулирована аргументация: аналитическая деятельность познающего субъекта возможна в случае актуализации конкретных форм действительности, условием чего является субъектная сопричастность этой действительности. Дискурс, формирующийся в результате процесса познания, представляет синкретическую модель, архитектоника которой предопределяется онтологией этого дискурса. Синонимизация проблемы предельного обоснования и проблемы логических предположений демонстрирует лишь невозможность дальнейшего следования.

Ключевые слова: субъектно-объектные отношения; форма; факт; экзистенциал; дискурс.

Проблема рационального и эмпирического в истории философии актуализировалась неоднократно, определение приоритетности данных факторов всегда зависело от исторически актуальной в данный момент парадигмы. Поэтому не было ничего необычного и в однозначности выбора позитивистской философии второй половины XIX в., который, в свою очередь, и предопределил первый кризис позитивизма. Приведём в этой связи следующее рассуждение Вл. Соловьёва: «В противоположность этому (имеются в виду частные науки. – М.Г.) всеобщая наука должна иметь в виду то, что обязательно содержится во всяком опыте, или то, что лежит в основании всего существующего; <...> предмет её необходим и всеобщ безусловно, все её истины представляют внутреннюю необходимость, обязательную для всякого факта и ни от какого факта не зависящую <...> Такая всеобщая наука есть рациональная философия, то есть систематическое умозрение <...> содержащее в себе истины, безусловно всеобщие и необходимые, истины, предполагаемые всяким частным опытом и всякой частной наукой» [1. С. 778, 779]. Итак, необходимость и всеобщность «систематического умозрения» указывает, во-первых, на принципиальную невозможность приоритетности вышеприведённых факторов, во-вторых, на иррациональную природу рациональной философии, так как основания всеобщности рационализма могут быть определены не иначе как посредством религиозного начала: «Оба эти фактора (явления опыта и понятия. – М.Г.) нашего познания сами по себе, в своей отвлечённости <...> получают <...> своё истинное значение от третьего, религиозного начала» [Там же. С. 796]. Другими словами, аналитическая деятельность познающего субъекта возможна в случае актуализации конкретных форм действительности, обязательным условием чего является субъектная сопричастность этой действительности. Таким образом, систематическое умозрение, сопричастное всеобщим истинам, как рациональная философия, обладает единственным основанием: религиозным началом, опровержение которого, с точки зрения концепции фальсификационизма, не может являться фактором, опровергающим как возможность иррационального основания рациональной философии в частности, так и правомерность концепции целостного знания всеединства в целом. Для подтверждения приведённого вывода воспользуемся историческим приме-

ром, внимание на который обратил известный физик В.Л. Гинзбург: «Система Птолемея была, по сути дела, канонизирована церковью и пронизывала всё мировоззрение эпохи; в качестве примера можно указать на то, что “Божественная комедия” Данте (1265–1321) и в особенности её третья часть “Рай” построены по схеме Птолемеевой системы» [2. С. 306]. Следовательно, геоцентрическая система Птолемея как пример научной картины мира и описание Рая Данте как пример художественно-поэтической картины мира имеют общую схему, основанием которой является систематическое умозрение, не обладающее рациональностью, но обуславливающее её. Парадоксальность данной схемы столь же очевидна, сколь и безвыходна для нас с точки зрения финитности нашего бытия (бытия познающего субъекта). Таким образом, парадоксальность данной проблемы (*иррациональность рациональности*) пребывает в одном ряду с парадоксальностью антиреализма реализма Платона и парадоксальностью феномена времени, описанного Бл. Августином так: «Как же так выходит, что это я знаю (“что есть время”. – М.Г.), а что такое само время – не знаю?» [3. С. 208].

Формирование научных представлений (конец XIX – начало XX в.) на основании *изъятия* границ между объектом и субъектом познания является попыткой преодоления позитивистского «тупика» парадоксальности, и точкой отсчёта этого преодоления, безусловно, являются в том числе концепция феноменологии восприятия и концепция всеединства как варианты моделей систематического умозрения.

В очередной раз столкнувшись с проблемой «объективного» знания, научная традиция прибегла к попытке обоснования определённого положения вещей посредством утверждения следующего: «Из структуры теории нельзя узнать, в какой мере она отображает природу; для этого нужна другая теория, непосредственно описывающая природу» [4. С. 79]. При этом дурная бесконечность рассматривается как атрибут прогресса: не имеет значения, что «теорию» и «природу» в каждом конкретном случае необходимо соотносить определённым образом, главное в том, чтобы это было возможно для познающего субъекта. Озадаченность наступает одновременно с осознанием очередной парадоксальной ситуации – невозможности утверждения посредством приведённого алгоритма

той самой «объективности», которой обусловлена вся деятельность *рационального* субъекта познания.

Таким образом, проблема онтологии дискурса – это во многом проблема систематического умозрения. Именно поэтому Вл. Соловьёв аргументирует тождество эмпирико-рационального постулирования (некоторого положения дел) и «ничто»: «То единое, которое есть вместе с тем и всё или содержит в себе всё, что оно существует для нас не как пустая форма только или способ воззрения нашего разума, а в своей собственной безусловной действительности или как истинное сущее» [1. С. 796]. Другими словами, истинное сущее актуально для познающего субъекта не исключительно в аспекте эмпирико-рационального, но последний как раз и возможен как одно из проявлений истинного сущего. Таким образом, дискурс, формирующийся в результате процесса познания, представляет собой определённую синкретическую модель, архитекtonика которой предопределяется онтологией этого дискурса.

Возвращаясь к вопросу об экстраполяции знания, возможной на основании феномена «экзистенциала», необходимо отметить следующее. Во-первых, дефектность субъектно-объектных отношений, аргументированная М. Хайдеггером, указывает как на определённого вида взаимодействие, одним из результатов которого является дискурсивная природа (возможного / конституируемого) знания, так и на то, что субъектно-объектное несовпадение и с миром, и с присутствием [5. С. 60] является констатацией некоторого апофатического аспекта конституируемого знания в смысле невозможности получения того, что изначально надо было получить. Во-вторых, форма, с точки зрения вопроса её *понимания / выявления*, приобретает в интерпретации Ж. Деррида феноменологии Э. Гуссерля такие атрибуты [6. С. 198], которые могут свидетельствовать в пользу экзистенциальности дискурса как одного из необходимых оснований онтологии дискурса¹. Поэтому достаточно важно определиться с аргументацией невозможности рационализации выбора целей в контексте анализа онтологии дискурса.

Итак, в связи с проблемой рационализации целей обратим внимание на утверждение К.-О. Апеля [7. С. 274, 275], в котором констатируется априорная необходимость «критического рационализма» в границе идеи недогматического разума [Там же. С. 275]. Важно отметить, что К.-О. Апель указывает на *отличие* между ценностным аспектом и практическим аспектом деятельности (возможно, в связи с реализацией того или иного плана), но, тем не менее, при этом *de facto* обнаруживается некоторое *общее* основание, как указывалось выше, – основание невозможности рационального выбора целей как в моральном, так и в практическом измерениях. Из этого следует контекстуальность *рационализации* целеполагания. Другими словами, ни один из типов известного нам дискурса *не обладает* внеконтекстуальной реальностью, т.е. онтология дискурса, конституирующая ретенциально-протенциальный ряд, получающий выражение в предложениях, теориях и т.д., в конечном итоге «отказывает» субъекту познания в *ознакомлении* как со средствами, так и с целями, структурирующими опре-

делённым образом его же собственный ретенциально-протенциальный континуальный ряд.

Достаточно интересным с этой точки зрения может быть следующее рассуждение М. Хайдеггера в отношении *упорядочивающего* принципа: «Подлинный принцип порядка имеет своё особое предметное содержание, через упорядочивание никогда не обнаружимое, но в нём уже предполагаемое. Так, для упорядочения образов мира потребна эксплицитная идея мира вообще» [5. С. 52]. Сказать, что, скорее всего, данный тезис М. Хайдеггера утверждает следующее: *не обнаружимое* конституирует *обнаружимое*, означает не сказать ничего, потому что это никак не помогает эксплицировать возможную взаимообусловленность *не обнаружимого* и *обнаружимого*. Дело в том, что смысл концептуального каркаса определяется как минимум каким-то конкретным аспектом *мира*, и если учитывать предложенное М. Хайдеггером «...“мир” сам есть конститутив присутствия» [Там же. С. 52], то следует признать, что «эксплицитная идея мира» – это «термин», определяющий фактическую возможность того или иного концептуального каркаса², который собственно и конституирует *обнаружимое*.

Если вернуться в связи с этим к ранее рассмотренному принципу априорности коммуникативного сообщества³, то целесообразным представляется признать не только то, что понимание *осуществимо* «в духе *трансцендентальной рефлексии*» [7. С. 307], но и то, что данное осуществление всегда фактуально, т.е. трансцендентальная рефлексия артикулирует исключительно какой-то конкретный проблемный континуум (для наглядности можно сослаться на историю, в ходе изучения которой историкам и филологам так и не удалось «повстречаться» с языком, не имеющим денотатов). В этом контексте утверждения М. Хайдеггера относительно эмпиричности факта присутствия [5. С. 56] также отсылают нас к проблеме актуальности вариативного контекстуального множества (как того или иного концептуального каркаса) в пределах единого онто-эпистемологического *поля*: «Понятие фактичности включает в себе: бытие-в-мире “внутримирного” сущего, именно так, что это сущее может понимать себя как сопряжённое в своём “историческом пути” с бытием сущего, встречного ему внутри его собственного мира» [Там же]. И именно по этой причине попытки «синонимизации» проблемы предельного обоснования и проблемы логических предпосылок [7. С. 308] выглядят несурзадно, так как смешение / наложение различных срезов / оснований элементов, конституирующих дискурс, гарантирует исключительно невозможность дальнейшего следования.

Что же это означает с точки зрения возможности концептуального каркаса и с точки зрения понимания / выявления формы (в том числе и концептуальной каркаса)? Принимая во внимание фактор *приоритетности* метафизики субъекта познания, можно констатировать следующее: эмпиричность факта присутствия, заявленная М. Хайдеггером, может указывать, прежде всего, на субъектно-объектное «взаимодействие», в результате чего структурируется некоторая фактичность (конкретика факта), которую мы и определяем как *знание*, процесс конституирования

которого разворачивается в дискурсе. Здесь, правда, возникает ещё одна проблема, связанная с таким понятием М. Хайдеггера, как «имение окружающего мира»: «...выражение “человек имеет свой окружающий мир” до тех пор онтологически ничего не говорит, пока это “имеет” остаётся неопределённым. “Имение” по своей возможности фундировано в экзистенциальном устройстве бытия – в. Сущее по сути этим способом, присутствие может эксплицитно открывать встречное сущее окружающего мира <...> *иметь* “мир”. Онтически тривиальные слова “иметь окружающий мир” онтологически проблема» [5. С. 57, 58].

Таким образом, проблема сводится в общих чертах к тому, что онтическая тривиальность указанного утверждения приобретает онтологический характер в аналитическом контексте дискурсивности факта. То есть онто-эпистемологический анализ факта как феномена, утверждающего определённое положение вещей, указывает не только на артикулированность того или иного сегмента **сущего** (как онтический аспект), но и на *принадлежность* данного сущего к ткани **бытия**, что и обуславливает актуальность данного сущего как «имения» для субъекта познания. Следовательно, данная онтологическая проблема («имение окружающего мира»), проявляющая себя посредством вышеописанной трансформации и имеющая отношение к онтологии дискурса, структурно может быть представлена в виде контекстуально «разворачивающейся» импликации того или иного типа дискурса (от бытового до теоретического), основания структурирования которого, естественно, исключены в рамках самого этого дискурса.

Для разъяснения сформулированного выше обратимся к интерпретации различных слоёв метафоры в контексте феноменологии у Ж. Деррида: «Метафора “слоя” <...> включает два скрытых следствия – с одной стороны, желание-сказать основано на чём-то, отличном от него самого <...> усилие, направленное на изоляцию логического “слоя” выражения, сталкивается *сначала не с трудностями своей темы, а с трудностями своего высказывания*. Дискурс о логическом <...> дискурса застревает в игре метафор» [6. С. 190].

Очевидно, невозможность тождества между основанием желания-сказать и самим высказываемым – это некий «люфт», тем не менее, позволяющий конституирование необходимого смысла. Поэтому анализ логических оснований дискурса (вне метафоры) в каком-то смысле напоминает именно то, что Ж. Деррида называет «высказыванием», которое, соответственно, никак не может способствовать выявлению того, что Ж. Деррида определяет как основание желания-сказать. Возможно, «разворачивающаяся» импликация дискурса как онтологическая проблема отчасти может быть «выраженной» как раз посредством метафоризации. Недоверие к метафоре, очевидно, связано с тем, что субъект познания не уверен в самой возможности «объединения» (хотя бы в *какой-то* форме) того, что **надо сказать**, и того, что **будет сказано** / высказано. Следовательно, учитывая недоверие к метафоре, можно констатировать необходимость в её использовании.

Нельзя в этой связи без внимания оставить утверждение Ж. Деррида, касающееся соотношения дискурсивного и недискурсивного, которое упорядочива-

ется системой конкретного текста [6. С. 191]. Дело в том, что данное утверждение, сделанное в контексте аналитики феноменологии Э. Гуссерля, по сути, отсылает нас к известному утверждению Л. Витгенштейна о не-тождестве бессмыслицы и отсутствия смысла: «Эта текстура тем более оказывается нераспутываемой, что вся она является значащей – *невыразительные нити не остаются без значения*» [6. С. 191], т.е. невыразительное имеет значение, а следовательно, обладает и *каким-то* смыслом. Значит, помимо этого, данное утверждение может быть распространено на любой вид дискурса – любая теория в известном смысле также многослойна, именно поэтому периодически она *пересматривается* «в пользу» новой теории, элиминируя старые проблемы посредством формулирования новой проблемы [8. С. 27], хотя текстура или семантическое поле теории при этом и может сохранять преэминентность.

В виду сказанного возникает естественный вопрос по поводу возможных отношений метафоры, позволяющей *высказать* то, что изначально не-совсем предполагалось желанием-сказать, и смыслом элементов, конституирующих дискурс (в том числе и дискурс теоретического знания). Сам Ж. Деррида в этом случае апеллирует к понятию логоса⁴, фактически указывая этим на актуальность феномена интрасубъективности, значимость которого с точки зрения априори коммуникативного сообщества сложно переоценить. Но, тем не менее, по Ж. Деррида, среда **логического** выражения упраздняется посредством смысла, что может констатировать приоритетность понятийно-категориального аспекта для субъекта познания, т.е. значение логического конституирования не исключается вообще, а наделяется неприоритетностью значимости в аспекте смыслообразования текстуры или дискурса. Таким образом, *выявляемая форма предполагает* смысл.

Возвращаясь к проблеме экзистенциальности дискурса, нельзя игнорировать предположение Ж. Деррида, связанное с независимым постоянством понятий⁵, так как роль и значение данных «понятий», *первично* конституирующих текст / дискурс, безусловно, имеют отношение как к пресуппозиции, так и к экзистенциалу, во многом преодолеваемому в дискурсе / **тексте** дефектность субъектно-объектных отношений, ибо, как отмечалось выше, ни субъект, ни объект не совпадают ни с миром, ни с присутствием [5. С. 60]. Возможно, именно такое положение дел имел в виду К.-О. Апель, ссылаясь на следующее: «У А. Тарского всё ещё имеется *сформулированная на естественном языке гипотеза* о том, что <...> “сама возможность выражения «истинное предложение», гармонирующее с законами логики и с духом обыденного языка, представляется весьма сомнительной” <...>» [7. С. 311].

Таким образом, пытаюсь, с точки зрения возможности предельного обоснования теоретических систем, проснить порядок следования и взаимоопределённости таких дискурсивных конституэнт, как форма (дискурса), экзистенциал (дискурса), факт / фактичность (дискурса), необходимо отметить: вопрос о «согласованности» с действительностью касается всех типов дискурсов и, соответственно, знаний, в них представленных. Учитыва-

вая «эмпиричность» факта и субъектно-объектную *неуместную* дихотомию, по М. Хайдеггеру⁶, можно предположить, что экзистенциал как «бытийное присутствие» является одновременно как принципом возмож-

ной тематизации сущего (и эмпиричности факта, и теоретических представлений, и догматов, и т.д.), так и способом возможной трансформации сущего посредством трансформации исключительно его смыслов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Причём речь идёт не только о научном дискурсе, как на это указывал в связи с феноменологией Э. Гуссерля Ж. Деррида [6. С. 201], это имеет прямое отношение ко всем типам дискурса.

² Здесь следует ещё раз отметить, что концептуальный каркас, являясь атрибутом дискурса как такового, актуален исключительно для любого типа дискурса, так как смысл концептуального каркаса, обусловленный каким-то аспектом мира, может иметь отношение и к теоретическому, и к религиозному, и к мифологическому, и к бытовому дискурсам. Следовательно, таковы условия *возможности* дискурса. Может быть, именно поэтому, рассуждая о значении онтологии для позитивных наук, М. Хайдеггер сделал следующее заключение: «Она (онтология. – М.Г.) сама для себя имеет самостоятельное назначение, раз уж вопрос о бытии за рамками ознакомления с сущим остаётся стигматом всякого научного искания» [5. С. 52].

³ Данный принцип очень хорошо иллюстрирует следующий вывод К.-О. Апеля: «... нечто принципиально не может быть обосновано в силу того, что оно служит условием возможности любого обоснования» [7. С. 307].

⁴ «Это недоверие к метафоре проявляется в тот момент, когда необходимым становится новое усложнение анализа...» [6. С. 190].

⁵ «Если, в частности, существует независимая история и независимое постоянство понятий – в том виде, в каком они уже вписаны в единственное желание-сказать (если только предположить, что его можно отделить от истории языка и означающих), тогда эти понятия всегда старше смысла и они в свою очередь конституируют определённый текст» [6. С. 197].

⁶ «Это внимающее удержание высказывания о... само есть способ бытия-в-мире и не должно интерпретироваться как “процесс”, через который субъект добывает себе представления о чём-то, остающиеся в качестве так усвоенных на хранение “внутри”, так что относительно их потом при случае может возникнуть вопрос, как они “согласуются” с действительностью» [5. С. 62].

ЛИТЕРАТУРА

1. Соловьёв В. Критика отвлечённых начал // Философское начало цельного знания. Минск : Харвест, 1999. 912 с.
2. Гинзбург В.Л. Гелиоцентрическая система и общая теория относительности // Эйнштейн и философские проблемы физики XX в. М. : Наука, 1979.
3. Августин А. Исповедь. М. : АСТ, 2003. 440 с.
4. Фейерабенд П. Наука в свободном обществе. М. : АСТ, 2009. 378 с.
5. Хайдеггер М. Бытие и время. М. : Академ. проект, 2011. 460 с.
6. Деррида Ж. Поля философии. М. : Академ. Проект, 2012. 376 с.
7. Апель К.-О. Трансформация философии. М. : Логос, 2001. 344 с.
8. Поннер К. Знание и психофизическая проблема. В защиту взаимодействия. М. : ЛКИ, 2008. 256 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 26 сентября 2014 г.

EXISTENTIALITY OF DISCOURSE AND FOUNDATION OF SYSTEMATIC SPECULATION IN THE CONTEXT OF FUNDAMENTAL ONTOLOGY AND THE POSTMODERN TRADITION

Tomsk State University Journal, 2014, 389, pp. 64-67. DOI: 10.17223/15617793/389/8

Goncharenko Mark V. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: markgon73@rambler.ru

Keywords: subject-object relationship; form; fact; existential; discourse.

The arguments are formulated: the analytical activity of the cognizer is possible in the case of updating specific forms of reality, a condition of which is subjective connection with this reality. Discourse formed as a result of the cognitive process is a syncretic model, architectonics of which is predetermined by the ontology of this discourse. On this basis, an assumption is made that none of the known types of discourse have extra-contextual reality, that is the ontology of discourse that constitutes the retential-potential series expressed in proposals, theories, etc. finally “refuses” to familiarize the subject of cognition with both the means and the goals which somehow structure their own retential-potential continual series. The synonymization of the problems of limit substantiation and of logic prerequisites only shows the impossibility of further following. The onto-epistemological analysis of the fact as a phenomenon claiming a certain state of things indicates not only the articulation of a segment of things (as an ontic aspect), but also the identity of things in the objective reality, which determines the relevance of things in existence as a “have” for the cognizer. Therefore, this ontological problem (“having the world”) which proves itself through the above transformation and is relevant to the ontology of discourse can be structurally represented as a contextually “unfolding” implication of any type of discourse (from everyday life to theoretical). Naturally, the bases of discourse structuring are excluded within this discourse. Distrust to the metaphor is obviously due to the fact that the cognizer is not confident in the possibility of “unification” (at least in any form) of what must be said and what will be said / expressed. Considering distrust to the metaphor, it is possible to state the need in its use. Considering the “empiricalness” of the fact and the subject-object inappropriate dichotomy, according to M. Heidegger, we can assume that the existential as “existential presence” is both the principle of the possible thematization of things (empiricalness of facts, theoretical concepts, dogmas, etc.) and the way of possible transformation of things by transforming their meanings solely.

REFERENCES

1. Solovyov V. *Filosofskiye nachala tsel' nogo znaniya* [Philosophical Principles of Integral Knowledge]. Minsk: Kharvest Publ., 1999. 912 p.
2. Ginzburg V.L. *Geliotsentricheskaya sistema i obshchaya teoriya otositel' nosti* [Heliocentric system and the general theory of relativity]. In: *Eynshteyn i filosofskie problemy fiziki XX v.* [Einstein and philosophical problems of physics of the twentieth century]. Moscow: Nauka Publ., 1979.
3. Augustine A. *Ispoved'* [Confessions]. Moscow: AST Publ., 2003. 440 p.
4. Feyeraabend P. *Nauka v svobodnom obshchestve* [Science in a free society]. Moscow: AST Publ., 2009. 378 p.
5. Heidegger M. *Bytie i vremya* [Being and Time]. Moscow: Akadem. Proekt Publ., 2011. 460 p.
6. Derrida J. *Polya filosofii* [Philosophy fields]. Moscow: Akadem. Proekt Publ., 2012. 376 p.
7. Apel K.-O. *Transformatsiya filosofii* [Transformation of Philosophy]. Moscow: Logos Publ., 2001. 344 p.
8. Popper K. *Znanie i psikhofizicheskaya problema. V zashchitu vzaimodeystviya* [Knowledge and psychophysical problem. In defense of interaction]. Moscow: LKI Publ., 2008. 256 p.

Received: 26 September 2014